

Говард Филлипс Лавкрафт

Прелестная Эрменгарда

(Sweet Ermengarde)

ПРЕЛЕСТНАЯ ЭРМЕНГАРДА
или Сердце селянки
автор Перси Прост

Глава I

Простодушная дева из глубинки

Эрменгарда Стаббс была прелестной белокурой дочерью Хайрама Стаббса, бедного, но честного фермера-бутлегера из Свинтауна, что в Вермонте. Изначально деву звали Этиль Эрменгардой, но после принятия 18-й поправки к конституции [1] отец уговорил ее отбросить первую часть имени, пояснив, что та напоминает ему об этиловом спирте, C_2H_5OH , и из-за этого у него пересыхает в глотке. Его собственная продукция по большей части состояла из метилового или древесного спирта, CH_3OH . Эрменгарда признавала за собой шестнадцать лет и зим и клеймила клеветниками всех, кто утверждал, будто на самом деле ей тридцать. У нее были большие черные глаза, ярко выраженный орлиный нос, светлые волосы, что никогда не темнели у корней, не считая случаев, когда в местной аптеке заканчивался товар, и красивый, но дешево обходящийся цвет лица. Она была примерно 5 футов 5,33 дюймов роста показывала вес 115,47 фунтов на самодельных весах своей отца — и не только на них — и слыла очаровательным созданием среди деревенских обожателей, что восторгались фермой ее отца и ценили жидкие плоды его трудов.

Руки Эрменгарды искали два пылких поклонника, Сквайр Суровс, державший закладную на дом фермера, был очень богат и немолод летами. Он отличался смуглостью, свирепой красотой и всюду ездил верхом, орудуя стеклом. Долго добивался он лучезарной Эрменгарды, но теперь страсть его обратилась в горячечный жар под дуновением тайны, известной ему одному — ибо на скромных угодьях фермера Стаббса он обнаружил чистейшую ЗОЛОТУЮ ЖИЛУ!!! «Ага! — воскликнул он. — Я завоюю деву, прежде чем ее родитель проведаст о своем нечаянном богатстве, и пополнию свое состояние еще большим!» После этого он стал бывать на ферме два раза в неделю вместо одного.

Но увы для злодея и его коварных замыслов — сквайр Суровс был не единственным поклонником прекрасной девы. Близ деревни жил еще один — красавец Джек Отваженс, чьи золотые кудри снискали расположение милой Эрменгарды, когда они оба, еще неуклюжими малышами, ходили в деревенскую школу. Джек долго стеснялся признаться в своей любви, но как-то раз, когда они с

девой прогуливались по тенистой улочке у старой мельницы, нашел в себе мужество, чтобы излить чувства, распиравшие сердце.

— О, свет очей моих, — изрек он, — моя душа так томится, что я не могу смолчать! Эрменгарда, идеал мой [он произносил это как «идьял»!], моя жизнь пуста без тебя. Возлюбленная духа моего, узри же молящего, что преклоняет колена в пыли пред тобою. Эрменгарда — о, Эрменгарда, вознеси же меня на небеса ликования и скажи, что однажды станешь моею! Спору нет, я беден, но разве не наделен молодостью и силой, что приведут меня к славе? На такое я способен лишь ради тебя, дорогая Этиль... пардон, Эрменгарда... моя единственная, моя драгоценная...

Но тут он прервался, чтобы смахнуть слезы и утереть чело, и дева ответила ему:

— Джек, ангел мой, ну наконец-то... в смысле, как это все неожиданно и весьма невиданно! Я не смела и мечтать, что ты питаешь нежные чувства к столь смиренному существу, как дитя фермера Стаббса — ибо я все еще дитя! Столь велико в тебе природное благородство, что я боялась... то есть думала, что ты окажешься слеп к моим скромным прелестям и отправишься искать счастье в большом городе, а там встретишь и возьмешь в жены более пригожую барышню — из тех, чей блеск встречает нас в журналах мод. Но, Джек, раз уж ты и вправду боготворишь именно меня давай обойдемся без околичностей. Джек, дорогой мой... сердце мое давно покорено твоими мужскими добродетелями. Я испытываю к тебе привязанность — считай меня своею, только имей в виду, что кольцо надо покупать в лавке Перкинса, у них там такие славные искусственные алмазики на витрине.

— Эрменгарда, любовь моя!

— Джек, драгоценный мой!

— Дорогая моя!

— Желанный мой!

— Бог мой!

[Занавес]

Глава II

А злодей все не отступался от нее

Однако эти нежные излияния, священные самою горячностью своей, не остались незамеченными глазами нечестивца, ибо рядом в кустах сидел и скрежетал зубами подлый сквайр Суровс! Когда влюбленные наконец удалились, он выскочил на улочку, угрожающе накручивая усы и стек, и пнул кота, который также здесь прогуливался и со всей очевидностью не имел за собой никакой вины.

— Проклятье! — вскричал он (Суровс, не кот). — Мой замысел завладеть фермой и девицей под угрозой! Но Джеку Отваженсу никогда не победить! Я силен — и мы еще посмотрим!»

Вслед за тем он поспешил в бедный домик Стаббсов и застал любящего отца в перегонном погребе, где тот мыл бутылки под надзором Ханны Стаббс, добрейшей жены и матери семейства. Сразу переходя к сути деда негодяй заговорил:

— Фермер Стаббс, я питаю нежную и давнюю привязанность к вашему очаровательному чаду, Этиль Эрменгарде. Я снедаем любовью и желаю сочетаться с ней браком. Как человек немногословный не стану унижать себя эвфемизмами. Отдайте девицу мне, или я взыщу долг по закладной и заберу старый дом себе!

— Но, сэр, — пролепетал растерянный Стаббс, в то время как ошеломленная его супруга попросту буравила сквайра взглядом, — я уверен, что симпатии моего чада направлены в иную сторону.

— Она должна быть моею! — грозно грянул глумливый гость. — Я заставлю ее полюбить меня — никому не устоять перед моей волей! Или она станет моей женой, или прощайтесь со старой усадьбой!

И с усмешкой, щелкнув стеклом, сквайр Суровс широким шагом устремился в ночь.

Едва он исчез, как через заднюю дверь вошли ликующие влюбленные, которым не терпелось рассказать чете Стаббсов о своем новообретенном счастье. Представьте же всеобщий ужас, воцарившийся меж них, когда открылась правда! Слезы потекли из глаз пшеничным элем, пока Джек не вспомнил вдруг, что он герой, и не поднял головы, вещая с соответствующим случаю мужественным нажимом:

— Никто не посмеет принести прекрасную Эрменгарду в жертву этому чудовищу, пока я жив! Я встану на ее защиту, она моя, моя, моя — не то слово как моя! Не бойтесь, дражайшие мои будущие отец и мать — я всех вас сумею защитить. Как и прежде, у вас будет ваш старый дом [винокурню Джек не упомянул, хотя отнюдь не брезговал ее продукцией], а я поведу к алтарю прелестную Эрменгарду, украшение ее пола! Чтоб его муки вечные разобрали, этого ужасного сквайра и его лихое золото — правые всегда побеждают, а герой всегда прав! Я поеду в большой город и наживу там состояние, чтобы спасти всех вас до того, как придет пора платить по закладной! Прощай, любовь моя — я оставляю тебя в слезах, но обязательно вернусь, выплачу закладную и назову тебя своей невестой!

— Джек, мой спаситель!

— Эрми, булочка моя!

— Единственный! Дорогой! И не забудь про то кольцо у Перкинса.

— О!

— А!

[Занавес]

Глава III

Подлое деяние

Однако обставить хитроумного сквайра Суровса было не так-то просто. Недалеко от деревни располагалось селение с дурной репутацией, где в запущенных хибарах жило ленивое отребье, промышляющее воровством и прочей случайной работой. Там гнусный злодей подыскал двоих сообщников — неприятных типов, которые явно не были джентльменами. Ночью лихая тройца вломилась в домик Стаббсов и похитила прекрасную Эрменгарду, а потом упрятила ее в убогую лачугу в селении, оставив под надзором Матушки Марии, безобразной старой карги. Фермер Стаббс был весьма расстроен и дал бы объявление в газеты, если б там не брали по центу за слово. Эрменгарда была непреклонна и ни разу не поколебалась в отказе выйти за злодея замуж.

— Так-так, моя гордая красotka, — изрек он. — Ты в моей власти, и рано или поздно я сломя твою волю! А пока представь, как твои бедные мать с отцом лишились дома и очага и бесприютно бродят по лугам!

— О, пощадите их, пощадите! — возопила дева.

— Никкогда... ха-ха-ха-ха! — ухмылялся мерзавец.

Так и мчались тяжкие дни, пока ничего не подозревавший Джек Отваженс добивался славы и богатства в большом городе.

Глава IV

Изощренное коварство

Как-то раз, когда сквайр Суровс сидел в главной гостиной своего дорогого и роскошного особняка и предавался любимому занятию, а именно скрежетал зубами и размахивал стеклом, ему пришла в голову отличная мысль, и он вслух разобрал статуэтку Сатаны, что стояла на ониксовой каминной полке.

— Ну что я за глупец! — вскричал он. — Зачем я вообще столько сил потратил на хлопоты с этой девчонкой, если могу заполучить ферму, просто взыскав по закладной? Совсем об этом не подумал! Я отпущу девицу, завладею фермой и буду волен жениться на какой-нибудь пригожей городской барышне, вроде той актрисы из бурлескной труппы, что выступала в ратуше на прошлой неделе!

Так что он отправился в селение, извинился перед Эрменгардой, отпустил ее к родителям и вернулся к себе домой, чтобы замышлять там новые преступления и придумывать новые виды злодейства.

Тянулись дни, и Стаббсов все больше печалила грядущая утрата дома и винокурни, но никто ничего не мог поделать. Однажды на ферму наткнулась заплутавшая ватага охотников из города, и один из них нашел золото!!! Утаив свое открытие от товарищей, он притворился, будто его укусила змея и пошел в дом Стаббсов просить известной помощи. Эрменгарда открыла дверь и увидела его. Он тоже увидел ее и в тот же миг исполнился решимости завоевать и ее, и золото. «Я должен это сделать ради своей старой маменьки! — громогласно воскликнул он про себя. — И не постую за ценой!»

Глава V

Малый из города

Элджернон Реджинальд Джонс был лощеным светским человеком из большого города, и в его искусенных руках наша бедная малютка Эрменгарда обратилась в сущее дитя. Еще чуть-чуть, и можно было бы поверить ей насчет шестнадцати лет. Элджи, хоть и ловелас, никогда не действовал грубо. Он мог бы преподать Суровсу пару-другую уроков в искусстве волочиться за барышнями. Соответственно минула всего неделя с тех пор, как Стаббсы приняли его в круг семьи, где он затаился подобно коварному змию, каковым и был, как он уговорил нашу героиню сбежать! Она скрылась ночью, оставив родителям записку, в последний раз вдохнув привычный запах сусла и поцеловав на прощанье кошку — как трогательно! В поезде Элджернона сморил сон, и когда он обмяк на сиденье, из его кармана выпала какая-то бумага. Эрменгарда, пользуясь своим мнимым положением нареченной невесты, подняла сложенный листок, пробежалась глазами по его надушенной глади и — о нет! едва не лишилась чувств! Это было любовное письмо от другой женщины!

— Вероломный обманщик! — прошептала она спящему Эджернону.— Так вот чего стоит твоя хваленая верность! Я порываю с тобой до скончания веков!

С этими словами она вытолкнула его из окна и отошла ко сну, в котором весьма нуждалась.

Глава VI

Одна в большом городе

Когда шумный состав прибыл на мрачный городской вокзал, беспомощная бедняжка Эрменгарда оказалась совсем одна, не имея денег, чтобы вернуться в Свинтаун. «О, почему же, — вздохнула она с простодушным сожалением, почему же я не вытащила у него бумажник, прежде чем сбросить с поезда? Ну что ж, не беда! Он мне всё рассказал про город, так что я легко заработаю на дорогу домой, а то и на выплату закладной!»

Но увы и ах для нашей маленькой героини, новичку не так-то просто найти работу, так что целую неделю она была вынуждена ночевать на скамейке в парке и стоять в очередях за хлебом для бездомных. Как-то раз один лукавый и порочный человек, видя ее беззащитность, предложил ей место посудомойки в безнравственном модном кабаре; однако наша героиня осталась верна своим сельским идеалам и отказалась работать в этой позолоченной и пышной обители легкомыслия — тем более что ей обещали всего три доллара в неделю, с питанием, но без проживания. Она пыталась разыскать Джека Отваженса, своего прежнего возлюбленного, но того нигде не было. А может, он бы и не узнал ее, ибо с приходом нищеты ей волей-неволей пришлось стать брюнеткой, а Джек не видел ее в подобном облике со школьной скамьи. Однажды она нашла в парке аккуратную, но весьма дорогостоящую сумочку, и, убедившись, что ничего ценного внутри нет, отнесла ее богатой даме, чье имя было указано на визитной карточке. Без меры очарованная честностью этой потерянной худышки, высокогородная миссис Ван Кроха удочерила Эрменгарду, дабы та заняла место девочки, похищенной у нее много лет назад. «Совсем как моя драгоценная Мод», — вздыхала дама, глядя, как к прекрасной брюнетке возвращается блондинистость. Так прошло несколько недель; меж тем старики на ферме все рвали на себе волосы, а гнусный сквайр Суровс сатанински хихикал.

Глава VII

И жили они долго и счастливо

Однажды Эрменгарде С. Ван Крохе, богатой наследнице, случилось принимать на работу нового второго помощника шофера. Уловив нечто знакомое в его чертах, она всмотрелась еще раз и ахнула. Только поглядите — это был не кто иной, как вероломный Элджернон Реджинальд Джонс, коего она вытолкнула из окна вагона в ту роковую ночь! Он выжил — это сразу стало очевидно. Кроме того, он женился на другой женщине, которая затем сбежала с молочником и со всеми деньгами, что нашлись в доме. Всецело присмиривший, он попросил у нашей героини прощения и все ей рассказал о золоте на ферме ее отца. Невыразимо тронутая, она подняла ему жалованье на доллар в месяц и решила внять наконец неумному чувству беспокойства и избавить стариков от тревог. Итак, в один прекрасный день Эрменгарда на авто вернулась в Свинтаун и прибыла на ферму ровно в ту минуту, когда сквайр Суровс приступил к взысканию долга и велел старикам проваливать.

— Стой, негодяй! — вскричала она, размахивая грандиозной пачкой купюр. — Наконец-то твои планы расстроены — а теперь убирайся и никогда более не омрачай своим появлением наш скромный порог!

За сим последовало счастливое воссоединение, а сквайр меж тем в смятении и испуге накручивал усы и стек. Но чу! Что это? Со старой гравийной дорожки донеслись шаги, и кто же это, как не наш герой, Джек Отваженс — изнуренный и потрепанный, но с сияющим лицом. Тотчас же направив стопы к понурившемуся злодею, он сказал:

— Сквайр... не одолжите мне десятку? Я только что вернулся из города со своей очаровательной женой, прекрасной Бриджет Гольдстайн, и мне нужно немного денег, чтобы наладить дела на старой ферме.

Затем он извинился перед Стаббсами, что не сумел выплатить долг по закладной, как было условлено. — Ничего страшного, — сказала Эрменгарда, — недостаток сам нашел нас, и для меня будет достаточной компенсацией, если ты навеки забудешь про глупые фантазии нашего детства.

Все это время миссис Ван Кроха сидела в автомобиле, дожидаясь Эрменгарды; но когда ее праздный взгляд остановился на резковатом лице Ханны Стаббс, в глубинах аристократской памяти что-то смутно заворочалось. Вдруг она вспомнила все — и обрушила на сельскую матрону обвиняющий вопль:

— Ты... ты... Ханна Смит... теперь я тебя узнала! Двадцать восемь лет назад ты нянчила мою малышку Мод и выкрала ее из колыбели!!! Где, о, где же мое дитя? — Тут в голове ее сверкнула мысль, словно молния на темном небе. — Эрменгарда... ты называешь ее своей дочерью... Она моя! Судьба вернула мне мою прежнюю дочь-у-у-рку — мою малютку Мод! Эрменгарда... Мод... приди же в любящие объятия своей матери!!!

Однако Эрменгарда погрузилась в непростые раздумья. Как быть с историей про шестнадцать лет, если ее похитили двадцать восемь лет назад? И если она не дочь Стаббса, то золота ей не видать. Миссис Ван Кроха была богата, но сквайр Суровс — еще богаче. И вот, подступив к удрученному злодею, она назначила ему последнее и самое ужасное наказание:

— Сквайр, милый, — прошептала она, — я передумала. Я люблю вас и вашу бесхитростную силу. Женитесь на мне , или я отдам вас под суд за то похищение. Взыщите по вашей закладной и наслаждайтесь вместе со мной золотом, что нашли благодаря своей смекалке. Идем же, милый!

И бедный недотепа повиновался.

Конец

1. ↑ 1

Поправка фактически вводила в США «сухой закон» - запрет производство и продажа алкоголя. Вступила в силу в январе 1920 года отменена 21-й поправкой 5 декабря 1933-го года.

Перевод Владислав Женевский